

В главном -
единство.
В спорном -
свобода.
В всем -
любовь.
(Бл. Августин)

№ 4 (4)
2 августа
1998 г.

Приложение к газете
"Яблоко
подмосковья"

Быть Христианином

даешь осажденный лагерь!

Богопротивная власть атеистов-коммунистов долгое время держалась на гипертрофированном репрессивном аппарате, на страхе и на лжи. Поскольку у лжи короткие ноги, то для ее живучести принимаются обычные среди тиранов меры. Во-первых, силой вводится единомыслие по типу "...кто не с нами - тот наш враг, тот должен пасть". Во-вторых, устанавливается жесткая изоляция от внешнего мира, исключая праящую элиту и стражайше проверенную номенклатуру помельче. В-третьих, насаждается ксенофобия, все идущее извне объявляется изначально и безусловно враждебным, губительным для идеологии, государства и, конечно же, народа, о коем вожди неустанно пекутся. Это - три кита, на которых держится власть, умеющая главным образом подавлять и обеспечивать режим подавления. В такой обстановке лучше себя чувствует как воинственная и комплексующая серость, так и беспричинный и циничный тиран, поднаторевший в демагогии.

Описанную модель, реализованную большевиками, метко называют "государством осажденного лагеря". Выросла целая популяция людей, привыкших к такой ситуации, приспособившихся порой даже с выгодой из нее - когда свобода - только "осознанная необходимость", а права человека - "так называемые". Главная же победа коммунистов - это приучение широкой общественности к душевному комфорту от безответственности. Поди плохо, когда вожди думают о нас, а главное - за нас. А у нас голова от дум не болит, мы, де, люди маленькие. Покажут нам - вот этот, мол, враг - мы его и гневно заклеймим позором, и уничтожим, как бешеную собаку. Но коль власти ошибутся - какой с нас спрос? Нам, главное, чтобы было так: пусть под нагайкой, только

быть с пайкой.

Появление открытой, рыночной экономики, интенсивный обмен информацией и возможность сопоставлять и делать от сравнения независимые выводы, рост осознания самоценности личности - все это разрушило привычную среду для партийно-бюрократического служилого слова и приближенной к нему дворни. Скрыть досаду и злобу от такой потери привычных ориентиров и пайков невозможно. Кипение возмущенного тоталитарного сознания перехлестывается через края "Лимонок", "Дузлей" и прочих расплодившихся изданий, имеющих себя "патриотическими". Какой же патриотизм являются нам оставшиеся не у власти "народные витии"?

Любовь - чувство личное. И к человеку, и к родному месту. Это осознание наивысшей ценностью для себя лично того, к кому или к чему испытываешь исклучительно светлые чувства, желание доставлять радость и пользу, готовность к жертвенности во имя этой высшей ценности. "Любовь не завидует... не превозносится, не гордится, не бесчинствует... не мыслит зла, не радуется неправде..." (1 Кор 13, 4-6). Провозгласившие себя патриотами и делающие из любви к Отечеству профессию демонстрируют нам как раз обратное: неизвестность в виде стадного и регламентированного чувства, подаваемого как патриотизм. В гитлеровской Германии любовь к фюреру было объявлено правовым понятием, так что за нелюбовь к фюреру, которую при желании могли находили, кара была обеспечена. Ту же схему пытаются применить и профессиональные патриоты. Это они определяют и хотят определять вперед, кто и как любит Россию и ее духовные ценности. Особенно настороживает то, что на смену тоталитарно-коммунистической идеологии они всеми силами пытаются втиснуть в свои конъюнктурные идеологические построения Пра-

вославие, чьим универсальным и основополагающим принципом является Любовь - к Богу и к ближнему. Публикации профессиональных патриотов, принявших эстафету от профессиональных революционеров, клокочут ненавистью к рыночной экономике (за которую выдают наш, извращенный, номенклатурно-бюрократически-теневой вариант), к демократии (за которую опять-таки выдают нашу вольницу для ведомственных и местных князей и князьев) и к внешнему миру, если это не Северная Корея, Куба или Ирак с Ливией. Эти публикации очень популярны: что в Москве, что в Чухломе. Для примера приведу статью за подписью С. Куликова из газеты "Городок", выходящей в подмосковном Красноармейске. Из публикации, касающейся совещания в Салониках о взаимоотношениях Православия и экуменического движения и презентации названной "За чистоту православия" (раньше, помню, все за чистоту марксизма-ленинизма боролись), выпирает, выражаясь языком генсеков, "чувство глубокого удовлетворения" от того, что среди православного клира все более распространяются родная им тяга к изоляционизму и ксенофобии. От журнального идеологического блюда - "мирового масонского заговора против России и Православия" - уже не смешно, а скучно и тошно. Автору явно не терпится: но когда же наконец огласят анафему экуменизму? Интрига жанра состоит в том, что, насколько мне известно, в ряные защитники Православия подались... один из членов местного горкома КП РФ и самый последовательный атеист, годы положивший на борьбу с "религиозным дурманом" и посему спрятавшийся за псевдонимом.

Поскольку и статья гораздо безграмотна, и тема серьезна, не буду в полемике конкретно с ее автором размениваться на мелочи. Между прочим, С.Куликов мог

бы выразиться и покороче, но тоже в традиционном стиле и жанре. Например, так:

Экуменист и коварный масон
Вновь нам суют
сатанинский трон.
Но от тайги
до британских морей
Русь православная
всех сильней...

И т.п.

Недавно лидер КП РФ Г.Зюганов дебютировал в качестве ... богослова, толкующего Священное Писание. Если так пойдет дальше, то, глядишь, появится вновь КПСС, сиречь коммунистическо-православный союзный синод, где воссядут "новые православные" архиерейского чина с партийными в карманах. С кадилами их, судя по лексике, представить чрезвычайно трудно. Больше подходят кисти.

Патриотизм, замешанный на ненависти, не патриотизм, а вульгарный шовинизм. И образ Православия, рисуемый такими "патриотами", можно назвать только религиозным расизмом. От такого не ладаном и елеем пахнет - порохом и кровью разит. Спесивое мнение, что весь мир погряз во мраке, а мы, мол, русичи, вновь пойдем своим путем - предельно опасно и мерзко. "Свой" или "особый путь" - это, как и прежде, путь вперед со взглядом назад, в очередной тупик, где в его конце мясорубка. Повторюсь: профессиональная любовь к Родине и Православию не лучше другой, известной профессиональной любви, поскольку такая, с позволения сказать, любовь не сближает людей, а разделяет на врагов. Вряд ли понимают это жрецы новой профессиональной любви, продолжающие тащить Россию и веру на свою политическую панель.

Горько видеть порой неглупых людей, которые то ли сами обманываются рады, то ли обуревают холодными и циничными расчетами, как хищники и лихоманы, о которых сказано в Евангелии. Ненависть всегда разращает. Ненависть именем Православия - тем паче. "Итак, извергните разворачивающего из среды вас" (1 Кор 5, 13).

В. Ферапонтов

Успение

Пресвятой Владычицы нашей Богородицы
и Приснодевы Марии

Есть один из двунадесятых праздников, который вызывает смешанное чувство. Это праздник Успения Пресвятой Богородицы, завершения Ею земной жизни. Может ли вызвать радость сознание того, что наиболее почитаемого человека более не увидишь рядом, не ощущишь прикосновение его руки, не услышишь голоса? Но вместе с тем осознаешь, что это не прощание навеки. На протяжении почти двух тысячелетий Пречистая Дева много раз являлась людям, предупреждая их об опасности и спасая от нее. И ежедневно, вознося Ей молитвы, мы знаем, что можем надеяться на Ее заступничество и защиту. Она всегда с нами, уверовавшими в Христа.

Преставление с земным миром Пресвятой Богородицы прошло необычно. После Вознесения Господня Она еще почти четверть века прожила в гостеприимном доме любимого ученика Иисуса Христа Иоанна Богослова в Гефсимании, посвятив жизнь распространению в народе веры в Спасителя и укреплению ее. Постоянно и часто приходя ко Гробу Господню и молясь там, Она дала пример многим, также ставшим навещать это место для поклонения.

Вновь Пресвятую Деву Марию посетил Архангел Гавриил, когда

Она в очередной раз прибыла на святое место Христова Воскресения и поведала, что Ей вскоре надлежит сменить земную жизнь на вечную. Об этом предстоящем событии также чудесным образом были извещены апостолы Божьи.

В день преставления Богоматери они собрались у Ее ложа, где Она забылась покойным сном. В это время комната наполнилась необыкновенным сиянием, сверху показался Иисус Христос в окружении ангелов и принял пречистую душу усопшей. Безболезненная и мирная кончина Пречистой Девы, больше похожая на сон, и называется поэтому Успение. Верные ученики Христа, проникшиеся чувством благоговения перед волей Господа, похоронили Матерь Божью в пещере Гефсиманского сада. В момент выноса тела успешно сквозь толпу скорбящих стала пробиваться куча фанатиков, кричавших, что народ обманут и хоронят вовсе не Мать Мессии, а обычную женщину. Их предволи-

тель Афоний, войдя в раж, попытался опрокинуть носильный одр с телом покойной. Возмущенные возгласы прервали истощенный вопль: у Афония внезапно отвалились руки, как отрубленные.

Наказанный за святотатство взвывал: горе мне, усомнившемуся! На глазах людей он стал каяться, и сжалившийся апостол Петр приложил к плечам Афония отпавшие руки, тут же чудесным образом приросшие на место.

На третий день после похорон явился апостол Фома, по Промыслу Божьему не поспевший, возвращаясь из далекой Индии. Узнав об опоздании, он впал в настоящее отчаяние: и на первой встрече учеников с воскресшим Христом отступил, и на похоронах Богоматери. Помочившись в землю, он предстал перед учениками в виде камня, и они, предположив, что это был апостол Фома, схватили камень и бросили в него. Камень превратился в змею, которая укусила Фому, и он, испугавшись, поклонился Христу.

Вернувшись, апостолы приступили к заупокойной молитве. В тот же миг им явилась Пресвятая Богородица, окруженная сиянием ангелов и небесным сиянием, и ученики поняли, что не только душа Девы Марии, но и Она Сама в телесном облике вознесена к горним высотам. Это явление наполнило сердца апостолов радостью, как и при Вознесении Господнем. Вот почему Успение Пресвятой Богородицы является для христиан праздником, которому посвящены многие храмы. Недаром Великий князь Московский, будущий первый русский царь Иван III, вызвал "фрязин" (итальянца) Аристотеля Фиораванти для возведения первого каменного собора Московского Кремля, одного из лучших на Руси, именно Успенского.

Успение - последний наиважнейший, двунадесятый праздник перед концом индикта - годового православного цикла. Им завершается и Успенский пост. На праздничной трапезе позволяетться вкушение рыбы.

Наиболее радостно праздник Успения отмечается ассирийцами (в старину их называли сирийцами). Они тем самым осознают то, что Дева Мария после Вознесения стала заступницей всех, кто обратился к ней с чистосердечной молитвой. Автору этих строк довелось присутствовать на праздновании "Шарр", как они называют Успение, в московской ассирийской общине. К нему готовится традиционное угощение, собравшиеся под аккомпанемент зурны, аккордеона и бубна поют народные песни, сохранившиеся еще с незапамятных времен.

В. Веневский

На снимке: икона Успения Пресвятой Богородицы (илл. из книги протоиерея Александра Мена "Православное богослужение - таинство, слово и образ").

Средние века на Среднем Урале

При словах "Русская Православная Церковь" обычно возникают ассоциации с понятием "культура", включающим такие элементы отношений, как уважение к мнению другого, бережное отношение к творчеству, признания за другим права делать выводы самому. Такое представление о Церкви как институте дорого стоит. Думалось, что его ценят повсеместно. Теперь выяснилось, что такие взгляды были наивными. Стараниями одного из ахиероев, а именно епископа Екатеринбургского и Верхотурского Никона - об РПЦ

может сложиться мнение, как об организации, практикующей порядки средневековой инквизиции или геббелевского ведомства, что, в сущности, одинаково ужасно и прискорбно. Такие факты приведены в корреспонденции Максима Шевченко из "Независимой газеты". Речь идет об акте вандализма: по распоряжению епископа из епархиального училища и приходских храмов были изъяты книги лучших российских православных богословов XIX века - о. Александра Шеманова, о. Иоанна Мейendorфа и о. Александра Мена - и 5 мая сего года

преданы публичному сожжению. За четыре года до этого тем же варварским способом были уничтожены по тому же указанию труды великого русского философа Николая Бердяева. Епископ Никон самочинно объявил их "еретическими". После этого аутодафе по-уральски продолжилось карательной акцией по отношению к священникам, посмеившим иметь похвальное мнение об опубликованной, между прочим, с разрешения Святейшего Патриарха "ереси".

Случившееся вне всякого сомнения нанесло авторитету Русской Православной Церкви как оплоту духовности и культуры серьезнейший вред. Возрождение ущербной по сути практики борьбы с живой мыслью, не совмещающейся с ограниченным набором усвоенных кем-то дото и стоеческих стереотипов, это

В. Дьяков